

сильное дѣйствіе; они узнали, что Россія—единственная страна, гдѣ образованнѣйшій и руководящій классъ пренебрегаетъ роднымъ языкомъ и интересами народа, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ народѣ скрыты могучія силы, нуждающіяся въ разработкѣ; эти люди обратились лицомъ къ народу, къ которому стояли спиной ихъ отцы, но затѣмъ пошли разными путями. Одни изъ нихъ рѣшили, что надо думать объ измѣненіи существующаго порядка и потерпѣли крушеніе на этомъ пути; другіе рано замѣтили, что преобразование не поддается ничьей личной волѣ, что для того, чтобы дѣйствовать на движеніе народной массы, нужны не тѣ знанія и привычки, какими владѣли ихъ отцы и они сами, что надо переучиваться и перевоспитаться. Это было также крушеніе—не самой силы, а вѣры, поддерживавшей ея дѣятельность. „Причиной крушенія было открытіе, что не во всемъ можно извернуться чужимъ умомъ и опытомъ, что если глупо вновь изобрѣтать машину, уже изобрѣтенную, то еще глупѣе жителю сѣвера заимствовать костюмъ южанина, что нужно примѣняться къ средѣ, а для этого необходимо изучать ее и потомъ уже преобразовать, если она въ чемъ окажется неудобной. Этимъ открытіемъ разрушалось цѣлое міросозерцаніе, воспитанное рядомъ поколѣній, привыкшихъ сибаритски смотрѣть на западную Европу, какъ на русскую мастерскую, обязательную поставщицу машинъ, модъ, увеселеній, вкусовъ, приличій, знаній, идей, нужныхъ Россіи, и даже отвѣтовъ на политическіе вопросы, въ ней возникающіе. Тогда люди, сдѣлавшіе это открытіе, впали въ уныніе или нравственное оцѣпенѣніе и опустили руки“. Впрочемъ, впоследствии, оправившись отъ „столбняка“, одни изъ нихъ стали кой-какъ прилаживаться къ русской жизни и даже стали дѣльцами въ николаевское время; другіе исключили ее изъ цивилизованнаго міра; третьи принялись изучать ее.

Особую категорію составили младшіе братья этого поколѣнія—настоящіе Онѣгины. По молодости лѣтъ, они не участвовали въ военныхъ дѣлахъ двѣнадцатаго года и, послѣ, не были увлечены въ политическое броженіе, кончившееся 14-го декабря; они воспитались въ тогдашнемъ свѣтѣ, съ его показнымъ умомъ, отъ старшихъ братьевъ перенимали патріотическую скорбь, въ свѣтѣ научились „насмѣшкѣ съ желчью пополамъ“, но не научились труду, и изъ смѣшенія этихъ разнородныхъ впечатлѣній получилось даже то, что называется разочарованіемъ. „Здѣсь были и запасъ схваченныхъ на-лету идей съ приправой мысли о ихъ ненужности, и унаслѣдованное отъ вольнодумныхъ отцовъ брюзжанье съ примѣсью скуки жизнью, преждевременно и